

**ЭПОСЫ,
ЛЕГЕНДЫ
СКАЗАНИЯ**

СКАЗКИ 1001 НОЧИ

Книга на века

Эпосы, легенды и сказания

Сказки 1001 ночи

«ФТМ»

УДК 398.21(=411.21)
ББК 82.3(0)-6

Эпосы, легенды и сказания

Сказки 1001 ночи / Эпосы, легенды и сказания — «ФТМ»,
— (Книга на века)

ISBN 978-5-17-105869-2

В книгу вошли избранные сказки из «Тысячи и одной ночи», знаменитого памятника арабской и персидской литературы, в том числе «Рассказ про Ала-ад-дина и волшебный светильник» и «Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников», не включенные в классическое восьмитомное издание.

УДК 398.21(=411.21)
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-17-105869-2

© Эпосы, легенды и сказания
© ФТМ

Содержание

Рассказ о царе Шахрияре и его брате	6
Сказка о рыбаке	14
Повесть о везире царя Юнана	19
Рассказ о царе ас-Синдбаде	24
Сказка о коварном везире	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сказки 1001 ночи

©Перевод М.В. Салье, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Рассказ о царе Шахрияре и его брате

Слава Аллаху, Господу миров! Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, длящимся до судного дня!

А после того: поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих!

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом и премудр и преславлен, и более всех щедр, и преблагосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана¹, повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына: один взрослый, другой юный, и оба были витязи-храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его, и было имя ему царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый у себя в царстве был справедливым судьей своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Та к продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирию² поехать и привезти его. Везирь исполнил его приказание и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошел к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласием и снаряжился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везирия правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с черным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я еще не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч и ударил обоих и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать – и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своем прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало желтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страной и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой-то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твое тело ослабло и лицо твое пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва», – и не рассказал, что испытал от жены. «Я хочу, – сказал тогда Шахрияр, – чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твое сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

---

¹ Потомки полумифического царя Сасана, или Сасаниды, правили Персией в III–VII веках. Причисление к ним царя Шахрияра – поэтический анахронизм, каких немало в «1001 ночи».

² Везирь – первый министр в арабском халифате.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идет среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежды, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И черный раб подошел к ней и обнял ее, и она его также. Он лег с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» – и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» – воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». – «Что до перемены моего вида, то о ней я тебе расскажу, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», – отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты изменился видом и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, – заговорил Шахземан, – что, когда ты прислал ко мне везиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашел мою жену с черным рабом, спавшим в моей постели, и убил их и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, – позволь мне не говорить тебе об этом».

Но, услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошел во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, – и вдруг невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к послеполуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, ум улетел у него из головы, и он сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдем тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе – смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле соленого моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошел час дневного времени, море вдруг заволновалось, и из него поднялся черный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку дерева (а оно было высокое) и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн³ высокого роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина со стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атыйя:

---

³ Джинны, ифриты или марида – в арабском фольклоре добрые или злые духи.

Засияла во тьме она – день блистает.
И сверкают стволов верхи ее светом.

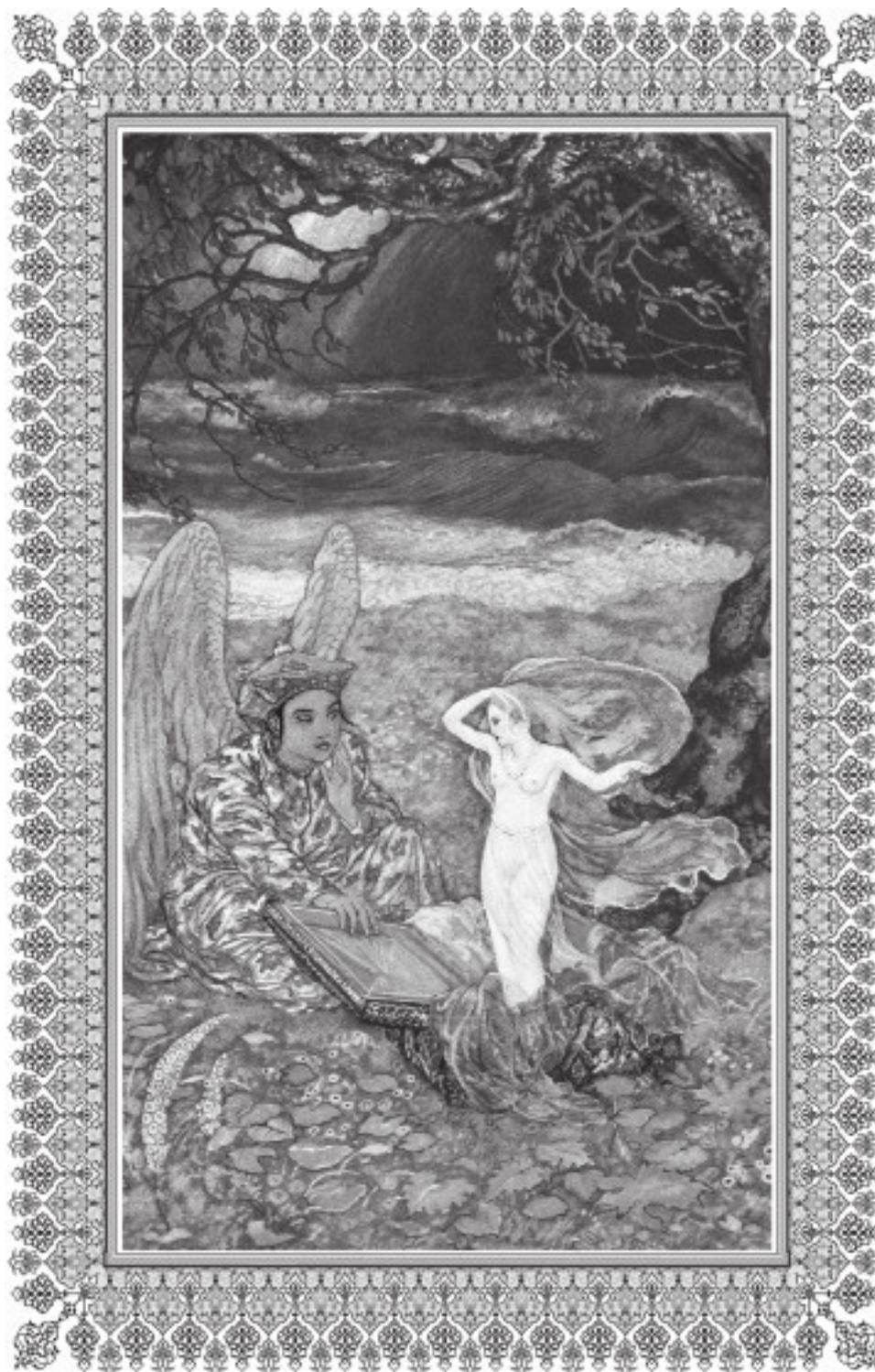
Она блещет, как много солнц на восходе.
Сняв покровы, смутит она звезды ночи.

Все творенья пред нею ниц упадают,
Коль, явившись, сорвет она с них покровы.

Если же в гневе сверкнет она жаром молний,
Льются слезы дождей тогда безудержно⁴.

---

⁴ Во всех сказках поэтические отрывки переведены без сохранения единой рифмы, проходящей, согласно правилам арабского стихосложения, через все стихотворение. Приблизительно передан лишь размер, или, вернее, ритм оригинала.

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кого я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать!» – и он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила ее на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему

брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдете и не делаете этого, я разбужу ифрита!» И из страха перед джинном оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь!» – и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. «Знаете ли вы, что это за перстни?» – спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец – в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то ее не одолеет никто, как сказал один из поэтов:

Не будь доверчив ты к женщинам,
Не верь обетам и клятвам их;

Прощенье их, как и злоба их,
С одной лишь похотью связаны.

Любовь являют притворную,
Обман таится в одеждах их.

Учись на жизни Иосифа⁵, —
И там найдешь ты обманы их.

Ведь знаешь ты: твой отец Адам
Из-за них уйти тоже должен был.

А другой сказал:

О несчастный, сильнее от брани любимый!
Мой проступок не столь велик, как ты хочешь.

Полюбивши, свершил я этим лишь то же,
Что и прежде мужи давно совершали.

Удивленья великого тот достоин,
Кто от женских остался чар невредимым...»

Услышав от нее такие слова, оба царя до крайности удивились и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало еще ни с кем!»

И они тотчас ушли от нее и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошел во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

---

⁵ Намек на библейский рассказ об Иосифе Прекрасном, перешедший в мусульманскую повествовательную литературу.

И вот потом царь приказал своему везиру привести ему, по обычаю, девушку, и везирь вышел и стал искать, но не нашел девушки и отправился в свое жилище, угнетенный и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везиря было две дочери: старшая – по имени Шахразада и младшая – по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И сказала она отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременен заботой и печальями? Ведь сказал же кто-то об этом:

Кто заботами подавлен,
Тем скажи: «Не вечно горе!

Как кончается веселье,
Так проходят и заботы».

И, услышав от своей дочери такие слова, везирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царем. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». – «Заклинаю тебя Аллахом, – воскликнул везирь, – не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть!» И везирь молвил: «Я боюсь, что с тобою случится то же, что случилось у быка и осла с земледельцем». – «А что же было с ними?» – спросила Шахразада.

Рассказ о быке с ослом

«Знай, о дочь моя, – сказал везирь, – что один купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. И однажды бык вошел в стойло осла и увидел, что оно подметено и побрызгано, а в кормушке у осла просеянный ячмень и просеянная солома, и сам он лежит и отдыхает, и только иногда хозяин ездит на нем, если случится какое-нибудь дело, и тотчас же возвращается. И в какой-то день купец услышал, как бык говорил ослу: «На здоровье тебе! Я устаю, а ты отдыхаешь, и ешь ячмень просеянным, и за тобою ухаживают, и только иногда хозяин ездит на тебе и возвращается, а я должен вечно пахать и вертеть жернов». И осел отвечал: «Когда ты выйдешь в поле и тебе наденут на шею ярмо, ложись и не подымайся, даже если тебя будут бить, или встань и ложись опять. А когда тебя приведут назад и дадут тебе бобов, не ешь их, как будто ты больной, и не касайся пищи и питья день, два или три, – тогда отдохнешь от трудов и тягот». А купец слышал их разговор. И когда погонщик принес быку его вечерний корм, тот съел самую малость, и наутро погонщик, пришедший, чтобы отвести быка на пашню, нашел его больным, и опечалился, и сказал: «Вот почему бык не мог вчера работать!» А потом он пошел к купцу и сказал ему: «О господин мой, бык не годен для работы: он не съел вчера вечером корм и ничего не взял в рот». А купец уже знал, в чем дело, и сказал: «Иди возьми осла и паши на нем, вместо быка, целый день».

Когда к концу дня осел вернулся, после того как весь день пахал, бык поблагодарил его за его милость, избавившую его на этот день от труда, но осел ничего ему не отвечал и сильно раскаивался. И на следующий день земледелец пришел и взял осла и пахал на нем до вечера, и осел вернулся с ободранной шеей, мертвый от усталости. И бык, оглядев осла, поблагодарил его и восхвалил, а осел воскликнул: «Я лежал развалившись, но болтливость мне повредила! Знай, – добавил он, – что я тебе искренний советчик; я услышал, как наш хозяин говорил: «Если бык не встанет с места, отдайте его мяснику, пусть он его зарежет и порежет его кожу на куски». И я боюсь за тебя и тебя предупреждаю. Вот и все!» Бык, услышав слова осла,

поблагодарил его и сказал: «Завтра я пойду с ними работать!» – и потом он съел весь свой корм и даже вылизал языком ясли. А хозяин слышал весь этот разговор. И когда настал день, купец и его жена вышли к коровнику и сели, и погонщик пришел, взял быка и вывел его; и при виде своего господина бык задрал хвост, пустил ветры и поскакал, а купец засмеялся так, что упал навзничь. «Чему ты смеешься?» – спросила его жена, и он отвечал: «Я видел и слышал тайну, но не могу ее открыть – я тогда умру». – «Ты непременно должен рассказать мне о ней и о причине твоего смеха, даже если умрешь!» – возразила его жена. Но купец ответил: «Я не могу открыть эту тайну, так как боюсь смерти». И она воскликнула: «Ты, наверное, смеешься надо мною!» – и до тех пор приставала и надоедала ему, пока он не покорился ей и не расстроился; и тогда он созвал своих детей и послал за судьей и свидетелями, желая составить завещание и потом открыть жене тайну и умереть, ибо он любил свою жену великой любовью, так как она была дочерью его дяди⁶ и матерью его детей, а он уже прожил сто двадцать лет жизни. Затем купец велел созвать всех родственников и всех живших на его улице и рассказал им эту повесть, добавив, что когда он скажет свою тайну, он умрет. И все, кто присутствовал, сказали его жене: «Заклинаем тебя Аллахом, брось это дело, чтобы не умер твой муж и отец твоих детей». Но она воскликнула: «Не отстану от него, пока не скажет! Пусть его умирает!» И все замолчали. И тогда купец поднялся и пошел к стойлу, чтобы совершить омовение и, вернувшись, рассказать им и умереть. А у купца был петух и с ним пятьдесят кур, и еще у него была собака. И вот он услышал, как собака кричит и ругает петуха, говоря ему: «Ты радуешься, а наш хозяин собирается умирать». – «Как это?» – спросил петух; и пес повторил ему всю повесть, и тогда петух воскликнул: «Клянусь Аллахом, мало ума у нашего господина! У меня вот пятьдесят жен – то с одной помирюсь, то к другой подлажусь; а у хозяина одна жена, и он не знает, как с ней обращаться. Взять бы ему тутовых прутьев, пойти в чулан и бить жену, пока она не умрет или не закается впредь ни о чем его не спрашивать».

А торговец слышал слова петуха, обращенные к собаке, – рассказывал везирь своей дочери Шахразаде, – и я сделаю с тобой то же, что он сделал со своей женой».

«А что он сделал?» – спросила Шахразада.

И везирь продолжал: «Наломав тутовых прутьев, он спрятал их в чулан и привел туда свою жену, говоря: «Подойди сюда, я тебе все скажу в чулане и умру, и никто на меня не будет смотреть». И она вошла с ним в чулан, и тогда купец запер дверь и принялся так бить свою жену, что она едва не лишилась чувств и закричала: «Я раскаиваюсь!» А потом она поцеловала мужу руки и ноги, и покаялась, и вышла вместе с ним, и ее родные и все собравшиеся обрадовались, и они продолжали жить приятнейшей жизнью до самой смерти».

И, услышав слова своего отца, дочь везирия сказала: «То, чего я хочу, неизбежно!»

И тогда везирь снарядил ее и отвел к царю Шахрияру. А Шахразада подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придешь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: «О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь», – и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразады, привел ее к царю, и царь, увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразаду, но она заплакала; и тогда он спросил ее: «Что с тобой?»

Шахразада сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязодой, и она пришла к сестре, обняла ее и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразодой, а потом они стали беседовать; и млад-

---

⁶ Частое в арабских сказках обращение, отражающее древний обычай выдавать девушку замуж за двоюродного брата.

шая сестра сказала Шахраде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне безупречный царь», – ответила Шахрада.

И, услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

Сказка о рыбаке

«Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был один рыбак, далеко зашедший в годах, и были у него жена и трое детей, и жил он в бедности. И был у него обычаем забрасывать свою сеть каждый день четыре раза, не иначе; и вот однажды он вышел в полуденную пору, и пришел на берег моря, и поставил свою корзину, и, подобрав полы, вошел в море и закинул сеть. Он выждал, пока сеть установится в воде, и собрал веревки и, когда почувствовал, что сеть отяжелела, попробовал ее вытянуть, но не смог; и тогда он вышел с концом сети на берег, вбил колышек, привязал сеть и, раздевшись, стал нырять вокруг нее, и до тех пор старался, пока не вытащил ее. И он обрадовался и вышел и, надев свою одежду, подошел к сети, но нашел в ней мертвого осла, который разорвал сеть. Увидев это, рыбак опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, это удивительное пропитание! – сказал он потом и произнес: —

О ты, погрузившийся в мрак ночи и гибели,
Усилья умерь свои: надел не труды дают.

Не видишь ли моря ты, и к морю рыбак идет,
Собравшись на промысел под сенью светил ночных?

Вошел он в пучину вод, и хлещет волна его,
И взора не сводит он с раздутых сетей своих.

Но, мирно проспавши ночь, довольный той рыбою,
Чье горло уж проткнуто железом убийственным,

Продаст он улов тому, кто ночь безмятежно спал,
Укрытый от холода во благе и милости.

Хвала же Творцу! Одним он даст, а другим не даст;
Одним суждено ловить, другим – поедать улов».

Потом он сказал: «Живо! Милость непременно будет, если захочет Аллах великий! – и произнес: —

Если будешь ты поражен бедой, облачись тогда
Во терпенье славных; поистине, так разумнее;

Рабам не сетуй: на доброго станешь сетовать
Перед теми ты, кто не будет добр никогда к тебе».

Потом он выбросил осла из сети и отжал ее, а окончив отжимать сеть, он расправил ее и вошел в море и, сказав: «Во имя Аллаха!», снова забросил. Он выждал, пока сеть установится; и она отяжелела и зацепилась крепче, чем прежде, и рыбак подумал, что это рыба, и, привязав сеть, разделся, вошел в воду и до тех пор нырял, пока не высвободил ее. Он трудился над нею, пока не поднял ее на сушу, но нашел в ней большой кувшин, полный песку и ила. И, увидев это, рыбак опечалился и произнес:

«О ярость судьбы – довольно!
А мало тебе – будь мягче!

Я вышел за пропитаньем,
Но вижу – оно скончалось.

Как много глупцов в Плеядах
И сколько во прахе мудрых!»

Потом он бросил кувшин и отжал сеть и вычистил ее и, попросив прощенья у Аллаха великого, вернулся к морю в третий раз и опять закинул сеть. И, подождав, пока она установится, он вытянул сеть, но нашел в ней черепки, осколки стекла и кости. И тогда он сильно рассердился и заплакал и произнес:

«Вот доля твоя: вершить делами не властен ты;
Ни знанье, ни сила чар надела не даст тебе;

И счастье и доля всем заранее розданы,
И мало в земле одной, и много в другой земле.

Превратность судьбы гнетет и клонит воспитанных,
А подлых возносит ввысь, достойных презрения,

О смерть, посети меня! Поистине, жизнь скверна,
Коль сокол спускается, а гуси взлетают ввысь.

Не диво, что видишь ты достойного в бедности,
А скверный свирепствует, над всеми имея власть:

И птица кружит одна с востока и запада
Над миром, другая ж все имеет, не двигаясь».

Потом он поднял голову к небу и сказал: «Боже, ты знаешь, что я забрасываю свою сеть только четыре раза в день, а я уже забросил ее трижды, и ничего не пришло ко мне. Пошли же мне, о Боже, в этот раз мое пропитание!»

Затем рыбаки произнес имя Аллаха и закинул сеть в море и, подождав, пока она установится, потянул ее, но не мог вытянуть, и оказалось, она запуталась на дне. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! – воскликнул рыбаки и произнес: —

Тьфу всей жизни, если будет такова, —
Я узнал в ней только горе и беду!

Коль безоблачна жизнь мужа на заре,
Чашу смерти должен выпить к ночи он.

А ведь прежде был я тем, о ком ответ
На вопрос: кто всех счастливей? – был: вот он!»

Он разделся и нырнул за сетью, и трудился над ней, пока не поднял на сушу, и, растянув сеть, он нашел в ней кувшин из желтой меди, чем-то наполненный, и горлышко его было запечатано свинцом, на котором был оттиск перстня господина нашего Сулеймана ибн Дауда⁷, – мир с ними обоими! И, увидав кувшин, рыбак обрадовался и воскликнул: «Я продам его на рынке медников, он стоит десять динаров золотом!» Потом он подвигал кувшин, и нашел его тяжелым, и увидел, что он плотно закрыт, и сказал себе: «Взгляну-ка, что в этом кувшине! Открою его и посмотрю, что в нем есть, а потом продам!» И он вынул нож и старался над свинцом, пока не сорвал его с кувшина, и положил кувшин боком на землю и потряс его, чтобы то, что было в нем, вылилось, – но оттуда не полилось ничего, и рыбак до крайности удивился. А потом из кувшина пошел дым, который поднялся до облаков небесных и пополз по лицу земли, и когда дым вышел целиком, то собрался и сжался, и затрепетал, и сделался ифритом с головой в облаках и ногами на земле. И голова его была как купол, руки как вилы, ноги как мачты, рот словно пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы и глаза как два светильника, и был он мрачный, мерзкий.

И когда рыбак увидел этого ифрита, у него задрожали поджилки и застучали зубы и высохла слюна, и он не видел перед собой дороги. А ифрит, увидя его, воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Сулейман – пророк Аллаха!»

Потом он вскричал: «О пророк Аллаха, не убивай меня! Я не стану больше противиться твоему слову и не ослушаюсь твоего веления!» И рыбак сказал ему: «О марида, ты говоришь: «Сулейман – пророк Аллаха», а Сулейман уже тысяча восемьсот лет как умер, и мы живем в последние времена перед концом мира. Какова твоя история, и что с тобой случилось, и почему ты вошел в этот кувшин?»

И, услышав слова рыбака, марида воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха! Радуйся, о рыбак!» – «Чем же ты меня порадуешь?» – спросил рыбак. И ифрит ответил: «Тем, что убью тебя сию же минуту злейшей смертью». – «За такую весть, о начальник ифритов, ты достоин лишиться защиты Аллаха! – вскричал рыбак. – О проклятый, за что ты убиваешь меня и зачем нужна тебе моя жизнь, когда я освободил тебя из кувшина и спас со дна моря и поднял на сушу?» – «Пожелай, какой смертью хочешь умереть и какой казнью казнен!» – сказал ифрит. И рыбак воскликнул: «В чем мой грех и за что ты меня так награждаешь?» – «Послушай мою историю, о рыбак», – сказал ифрит, и рыбак сказал: «Говори и будь краток, а то у меня душа уже подошла к носу!»

«Знай, о рыбак, – сказал ифрит, – что я один из джиннов-вероотступников, и мы ослушались Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – я и Сахр, джинн. И Сулейман прислал своего везира, Асафа ибн Барахию, и он привел меня к Сулейману насильно, в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня на помощь Аллаха и предложил мне принять истинную веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот кувшин и заточил меня в нем и запечатал кувшин свинцом, оттиснув на нем величайшее из имен Аллаха, а потом он отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили посреди моря. И я провел в море сто лет и сказал в своем сердце: всякого, кто освободит меня, я обогашу навеки. Но прошло еще сто лет, и никто меня не освободил. И прошла другая сотня, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я открою сокровища земли. Но никто не освободил меня. И надо мною прошло еще четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня

---

⁷ Сулейман ибн Дауд (Соломон, сын Давидов) – один из любимых героев мусульманской повествовательной литературы. Его имя часто упоминается в «1001 ночи». На перстне Сулеймана, по преданию, было вырезано так называемое величайшее из девяноста девяти имен Аллаха, знание которого будто бы давало ему власть над джиннами, птицами и ветрами.

сейчас, я убью и предложу ему выбрать, какую смертью умереть! И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какой смертью ты хочешь умереть».

Услышав слова ифрита, рыбак воскликнул: «О диво Аллаха! А я-то пришел освободить тебя только теперь! Избавь меня от смерти – Аллах избавит тебя, – сказал он ифриту. – Не губи меня – Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя погубит». – «Твоя смерть неизбежна, пожелай же, какой смертью тебе умереть», – сказал марид.

И когда рыбак убедился в этом, он снова обратился к ифриту и сказал: «Помилуй меня в награду за то, что я тебя освободил». – «Но я ведь и убиваю тебя только потому, что ты меня освободил!» – воскликнул ифрит. И рыбак сказал: «О шейх⁸ ифритов, я поступаю с тобой хорошо, а ты воздаешь мне скверным. Не лжет изречение, заключающееся в таких стихах:

Мы благо им сделали, – обратным воздали нам;
Вот, жизнью моей клянусь, порочных деяния!

Поступит похвально кто с людьми недостойными —
Тем будет так воздано, как давшим гиене кров».

Услышав слова рыбака, ифрит воскликнул: «Не тяни, твоя смерть неизбежна!» И рыбак подумал: «Это джинн, а я человек, и Аллах даровал мне совершенный ум. Вот я придумаю, как погубить его хитростью и умом, пока он измышляет, как погубить меня коварством и мерзостью».

Потом он сказал ифриту: «Моя смерть неизбежна?» И ифрит отвечал: «Да». И тогда рыбак воскликнул: «Заклинаю тебя величайшим именем, вырезанным на перстне Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – я спрошу тебя об одной вещи, скажи мне правду». – «Хорошо, – сказал ифрит, – спрашивай и будь краток!» – и он задрожал и затрясся, услышав упоминание величайшего имени. А рыбак сказал: «Ты был в этом кувшине, а кувшин не вместит даже твоей руки или ноги. Так как же он вместил тебя всего?» – «Так ты не веришь, что я был в нем?» – вскричал ифрит. «Я никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами», – отвечал рыбак...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала четвертая ночь, ее сестра сказала: «Закончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахразада продолжала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: «Никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами». И тогда ифрит встряхнулся и стал дымом над морем, и собрался, и мало-помалу стал входить в кувшин, пока весь дым не оказался в кувшине. И тут рыбак поспешно схватил свинцовую пробку с печатью и закрыл ею кувшин и закричал на ифрита: «Выбирай, какой смертью умрешь! Клянусь Аллахом, я брошу тебя в море и построю себе здесь дом, и всякому, кто придет сюда, я не дам ловить рыбу и скажу: «Тут ифрит, и всем, кто его вытащит, он предлагает выбрать, как умереть и как быть убитым!»

Услышав слова рыбака и почувствовав себя в заточении, ифрит хотел выйти, но не мог, так как ему не позволяла печать Сулеймана. И он понял, что рыбак перехитрил его, и сказал: «Я пошутил с тобой!» Но рыбак воскликнул: «Лжешь, о презреннейший из ифритов и грязнейший и ничтожнейший из них!» И потом он понес кувшин к берегу моря, и ифрит кричал: «Нет, нет!» – а рыбак говорил: «Да! да!» Ифрит смягчил свои речи и стал смиренным и сказал: «Что ты хочешь со мной сделать, о рыбак?» И рыбак ответил: «Я брошу тебя в море; и если ты уже

---

⁸ Шейх – старшина, почтенный старец.

провел в нем тысячу восемьсот лет, то я заставлю тебя пробыть там, пока не настанет судный час. Не говорил ли я тебе: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах!», но ты не послушал моих слов и хотел только обмануть меня, и Аллах отдал тебя мне в руки, и я обманул тебя».

«Открой меня, и я окажу тебе милость», – сказал ифрит. Но рыбак воскликнул: «Лжешь, проклятый! Я и ты подобны везирию царя Юнана и врачу Дубану». – «А кто это такие, везирь царя Юнана и врач Дубан, и какова их история?» – спросил ифрит.

Повесть о везире царя Юнана

«Знай, о ифрит, – начал рыбак, – что в древние времена и минувшие века и столетия был в городе персов и в земле Румана⁹ царь по имени Юнан. И был он богат и велик и повелевал войском и телохранителями всякого рода, но на теле его была проказа, и врачи и лекаря были против нее бессильны. И царь пил лекарства и порошки и мазался мазями, но ничто не помогало ему, и ни один врач не мог его исцелить. А в город царя Юнана пришел великий врач, далеко зашедший в годах, которого звали врач Дубан. Он читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, знал врачевание и звездочетство и усвоил их правила и основы, их пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные, и изучил философию, и постиг все науки и прочее.

И когда этот врач пришел в город и пробыл там немного дней, он услышал о царе и поразившей его тело проказе, которою испытал его Аллах, и о том, что ученые и врачи не могут излечить ее. И когда это дошло до врача, он провел ночь в занятиях, а лишь только наступило утро и засияло светом и заблестало, он надел лучшее из своих платьев и вошел к царю Юнану. Облобызав перед ним землю, врач пожелал ему вечной славы и благоденствия и отлично это высказал, а потом представился и сказал: «О царь, я узнал, что тебя постигла болезнь, которая у тебя на теле, и что множество врачей не знает средства излечить ее. Но вот я тебя вылечу, о царь, и не буду ни поить тебя лекарством, ни мазать мазью».

Услышав его слова, царь Юнан удивился и воскликнул: «Как же ты это сделаешь? Клянусь Аллахом, если ты меня исцелишь, я обогащу тебя и детей твоих детей и облагодетельствую тебя, и все, что ты захочешь, будет твое, и ты станешь моим сотрапезником и любимцем!» Потом царь Юнан наградил врача почетной одеждой¹⁰, и оказал ему милость, и спросил его: «Ты вылечишь меня от этой болезни без помощи лекарства и мази?» И врач отвечал: «Да, я тебя вылечу». И царь до крайности изумился, а потом спросил: «О врач, в какой же день и в какое время будет то, о чем ты мне сказал? Поторопись, сын мой!» – «Слушаю и повинуюсь, – ответил врач, – это будет завтра». А затем он спустился в город и нанял дом и сложил туда свои книги и лекарства и зелья, а потом он вынул зелья и снадобья и вложил их в молоток, который выдолбил, а к молотку он приделал ручку и искусно приспособил к нему шар. И на следующее утро, когда все это было изготовлено и окончено, врач отправился к царю и, войдя к нему, облобызал перед ним землю и велел ему выехать на ристалище и играть с шаром и молотком. А с царем были эмиры¹¹, придворные, и везири, и вельможи царства. И не успел он прибыть на ристалище, как пришел врач Дубан, и подал ему молоток, и сказал: «Возьми этот молоток и держи его за эту вот ручку и гоняйся по ристалищу и вытягивайся хорошенько – бей по шару, пока твоя рука и тело не вспотеют и лекарство не перейдет из твоей руки и не распространится по телу. Когда же ты кончишь играть и лекарство распространится у тебя по всему телу, возвращайся во дворец, а потом сходи в баню, вымойся и ложись спать. Ты исцелишься, и конец».

И тогда царь Юнан взял у врача молоток и схватил его рукою, и сел на коня, и кинул перед собою шар и погнался за ним, и настиг его, и с силой ударил, сжав рукою ручку молотка. И он до тех пор бил по шару и гонялся за ним, пока его рука и все тело не покрылись испариной и снадобье не растеклось из ручки. И тут врач Дубан узнал, что лекарство распространилось по телу царя, и велел ему возвращаться во дворец и сию же минуту пойти в баню. И царь Юнан немедленно возвратился и приказал освободить для себя баню; и баню освободили, и

---

⁹ Земля Румана (или «земля румов») – так называли в странах Ближнего Востока Византийскую империю.

¹⁰ Почетная одежда – платье с царского плеча, жалуемое как знак отличия. Кроме одежды, награждаемый получал драгоценный меч и коня в полной сбруе.

¹¹ Эмир – военачальник, полководец.

постельничьи поспешили, и рабы побежали к царю, обгоняя друг друга, и приготовили ему белье. И царь вошел в баню, и хорошо вымылся, и надел свои одежды в бане, а затем он вышел и поехал во дворец и лег спать.

Вот что было с царем Юнаном. Что же касается врача Дубана, то он возвратился к себе домой и проспал ночь, а когда наступило утро, он пришел к царю и попросил разрешения войти. И царь приказал ему войти; и врач вошел, и облобызал перед ним землю, и сказал нараспев, намекая на царя, такие стихи:

«Возвышаются все достоинства, коль отцом ты их
Называешься, а назвать другого – откажешься.

О ты, чей лик сиянием огней своих
Прогоняет мрак дурного дела с чела судьбы!

Да сияет лик и да светится неизменно твой,
Хотя лик времен неизменно гневен и хмур всегда!

Оросил меня своей милостью и благами ты, —
То же сделали, что с холмами тучи, со мной они.

И бросал в пучины богатства ты с большой щедростью,
И достиг высот ты желаемых таким образом».

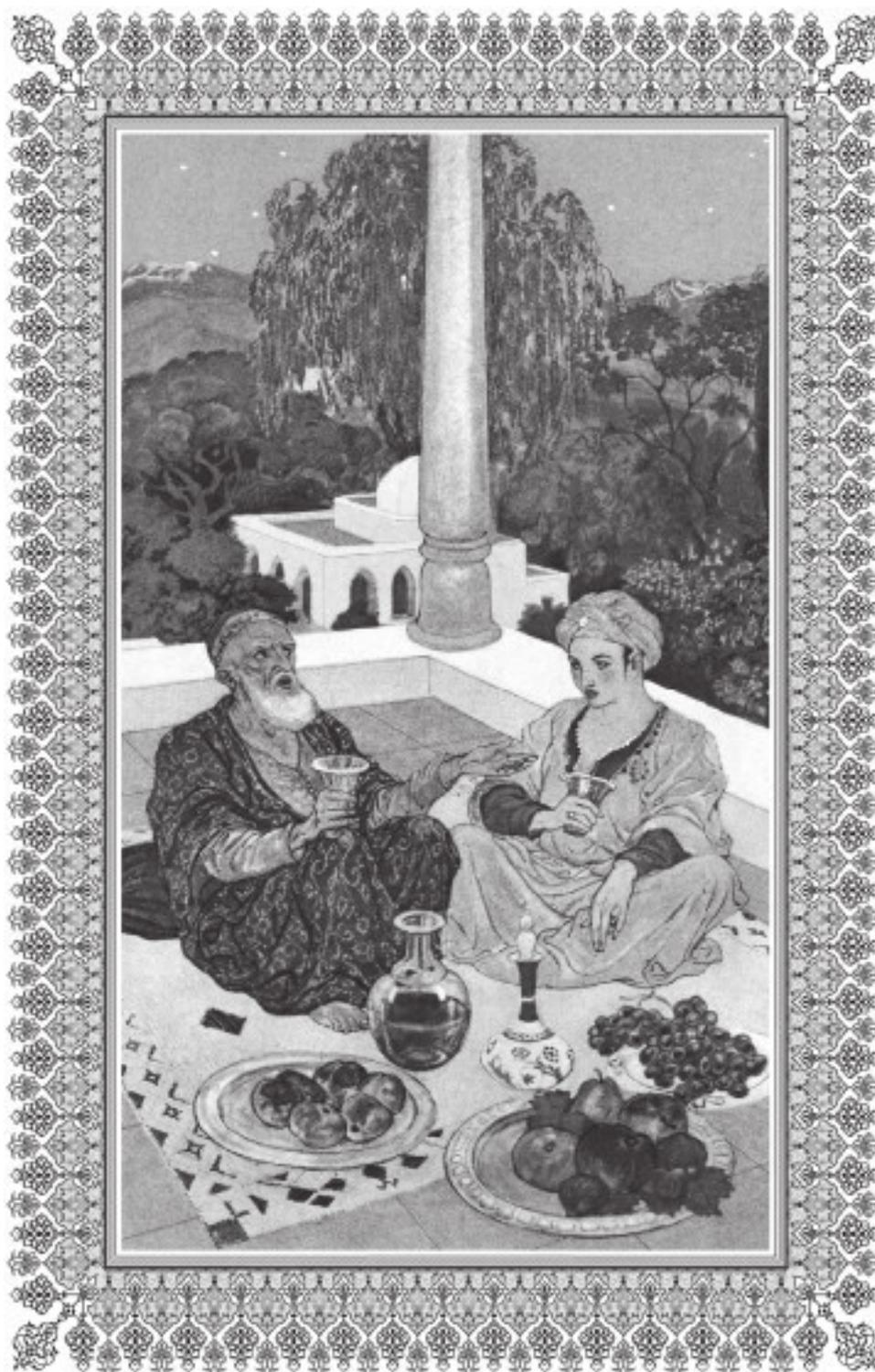
И когда он кончил говорить стихи, царь поднялся на ноги и обнял его, и посадил с собою рядом, и наградил драгоценными одеждами. (А царь, вышедши из бани, посмотрел на свое тело и совершенно не нашел на нем проказы, и оно стало чистым, как белое серебро; и царь обрадовался этому до крайности, и его грудь расправилась и расширилась.) Когда же настало утро, царь пришел в диван и сел на престол власти, и придворные и вельможи его царства встали перед ним, и к нему вошел врач Дубан, и царь, увидев его, поспешно поднялся и посадил его с собою рядом. И вот накрыли роскошные столы с кушаньями, и царь поел вместе с Дубаном и не переставая беседовал с ним весь этот день. Когда же настала ночь, царь дал Дубану две тысячи динаров, кроме почетных одежд и прочих даров, и посадил его на своего коня, и Дубан удалился к себе домой.

А царь Юнан все удивлялся его искусству и говорил: «Этот врач лечил меня снаружи и не мазал никакой мазью. Клянусь Аллахом, вот это действительная мудрость! И мне следует оказать этому человеку уважение и милость и сделать его своим собеседником и сотрапезником на вечные времена!» И царь Юнан провел ночь довольный, радуясь здоровью своего тела и избавлению от болезни; а когда наступило утро, он вышел и сел на престол, и вельможи его царства встали перед ним, а везири и эмиры сели справа и слева. Потом царь Юнан потребовал врача Дубана, и тот вошел к нему и облобызал перед ним землю, а царь поднялся перед ним и посадил его с собою рядом. Он поел вместе с врачом, и пожелал ему долгой жизни, и пожаловал ему дары и одежды, и беседовал с ним до тех пор, пока не настала ночь, — и тогда царь велел выдать врачу пять почетных одежд и тысячу динаров, и врач удалился к себе домой, воздавая благодарность царю. А когда наступило утро, царь вышел в диван, окруженный придворными, везирями и эмирами.

А у царя был один везирь гнусного вида, скверный и порочный, скупой и завистливый, сотворенный из одной зависти; и когда этот везирь увидел, что царь приблизил к себе врача Дубана и оказывает ему такие милости, он позавидовал ему и затаил на него зло. Ведь говорится же: ничье тело не свободно от зависти, и сказано: несправедливость таится в сердце;

сила ее проявляет, а слабость скрывает. И вот этот везирь подошел к царю Юнану и, облобызав перед ним землю, сказал: «О царь нашего века и времени! Ты тот, в чьей милости я вырос, и у меня есть для тебя великий совет. И если я его от тебя скрою, я буду сыном прелюбодеяния; если же ты прикажешь его открыть тебе, я открою его». И царь, которого встревожили слова везиря, спросил его: «Что у тебя за совет?» И везирь отвечал: «О благородный царь, древние сказали: «Кто не думает об исходе дел, тому судьба не друг». И я вижу, что царь поступает неправильно, жалуя своего врача и того, кто ищет прекращения его царства. А царь был к нему милостив и оказал ему величайшее уважение и до крайности приблизил его к себе, и я опасаюсь за царя».

И царь, встревожившись и изменившись в лице, спросил везиря: «Про кого ты говоришь и на кого намекаешь?» И везирь сказал: «Если ты спишь, проснись! Я указываю на врача Дубана». – «Горе тебе, – сказал царь, – это мой друг, и он мне дороже всех людей, так как он вылечил меня чем-то, что я взял в руку, и исцелил меня от болезни, против которой были бессильны врачи. Такого, как он, не найти в наше время нигде в мире, ни на востоке, ни на западе, а ты говоришь о нем такие слова. С сегодняшнего дня я установлю ему жалованье и выдачи и назначу ему на каждый месяц тысячу динаров, но даже если бы я разделил с ним свое царство, и этого было бы поистине мало. И я думаю, что ты это говоришь из одной только зависти, подобно тому, что я узнал о царе ас-Синдбаде...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятая ночь, ее сестра сказала ей: «Докончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахразада продолжала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Юнан сказал своему везиру: «О везирь, тебя взяла зависть к этому врачу, и ты хочешь его смерти, а я после этого стану раскаиваться,

как раскаялся царь ас-Синдбад, убивши сокола». – «Прости меня, о царь времени, а как это было?» – спросил везирь.

Рассказ о царе ас-Синдбаде

«Говорят, – а Аллах лучше знает, – начал царь, – что был один царь из царей персов, который любил веселье, прогулки, охоту и ловлю. И он воспитал сокола и не расставался с ним ни днем, ни ночью, и всю ночь он держал его на руке, а когда отправлялся на охоту, то брал сокола с собою. Царь сделал для сокола золотую чашку, висевшую у него на шее, и поил его из этой чашки. И вот однажды царь сидит, и вдруг приходит к нему главный сокольник и говорит: «О царь времени, пришла пора выезжать на охоту». И царь приказал выезжать и взял сокола на руку; и охотники ехали до тех пор, пока не достигли одной долины, там растянули сеть для ловли, и вдруг в эту сеть попала газель, и тогда царь воскликнул: «Всякого, через чью голову газель перескочит, я убью».

И охотники сузили сеть вокруг газели, и вдруг газель подошла к царю и, оставаясь на задних ногах, передние сложила на груди, как бы целуя перед царем землю. И царь кивнул газели головой, а она прыгнула через его голову и убежала в пустыню. И царь увидел, что вся свита перемигивается, и спросил: «О везирь, что они говорят?» И везирь ответил: «Они говорят, что ты сказал: «Всякий, через чью голову газель перескочит, будет убит». И тогда царь воскликнул: «Клянусь моей головой, я буду преследовать ее, пока не приведу!» И царь поехал по следам газели и неотступно скакал за ней по горам. А она хотела войти в чашку, и тогда царь спустил за ней сокола, и сокол бил ее крыльями по глазам, пока не ослепил и не ошеломил. И царь вынул дубинку и ударил газель и повалил ее, и потом он сошел и прирезал газель и, сняв с нее шкуру, привесил ее к луке седла. А было время полуденного отдыха, и в зарослях, пустынных и высохших, нельзя было найти воды. И царь почувствовал жажду, и конь захотел пить, – и тогда царь покружил и увидел дерево, с которого текла вода, точно масло. А на руках у царя были надеты рукавицы из кожи, и он взял чашку с шеи сокола и наполнил ее этой водой. Он поставил перед собой чашку, но сокол вдруг ударил ее крылом и опрокинул; и тогда царь поднял чашку и стал набирать второй раз в нее стекавшее масло, пока не наполнил. Он думал, что сокол хочет пить, и поставил перед ним чашку, но сокол опять ударил ее и опрокинул. И царь рассердился на сокола и в третий раз наполнил чашку и поставил ее перед конем, но сокол снова опрокинул чашку крылом. И тогда царь воскликнул: «Да накажет тебя Аллах, о злосчастнейшая птица! Ты лишила питья и меня, и коня, и себя самое!» – и, ударив сокола мечом, он отрубил ему крылья.

И тогда птица стала подымать голову, говоря знаками: «Посмотри, что на вершине дерева». И царь поднял глаза и увидел на дереве детеныша ехидны, а та жидкость была его ядом. И раскаялся царь, что отрубил соколу крылья, и поднялся, и сел на коня, и поехал, взявши с собою газель, и достиг шатра со своею добычей. Он отдал газель повару и сказал: «Возьми ее и изжарь!», а потом он сел на престол, и сокол был на его руке. И вдруг птица испустила крик и умерла; и царь закричал от печали и горя, что убил сокола, после того как тот спас его от гибели. Вот и все, что было с царем ас-Синдбадом».

Услышав слова царя Юнана, везирь сказал: «О царь, высокий саном, что же сделал мне врач дурного? Я не видел от него зла и поступаю так только из жалости к тебе, чтобы ты знал, что мои слова верны, а иначе ты погибнешь, как погиб везирь, который строил козни против сына одного из царей». – «А как это было?» – спросил царь Юнан.

Сказка о коварном везире

«Знай, о царь, – сказал везирь, – что у одного царя был везирь, а у этого царя был сын, который любил охоту и ловлю, и везирь его отца находился с ним. И царь, отец юноши, приказал этому везирию быть с царевичем, куда бы тот ни отправился. Однажды юноша выехал на охоту, и везирь его отца выехал с ним, и они поехали вместе. И везирь увидел большого зверя и сказал царевичу: «Вот тебе зверь, гонись за ним». И царевич помчался за зверем и исчез с глаз, и зверь скрылся от него в пустыне. И царевич растерялся и не знал, куда идти и в какую сторону направиться, и вдруг видит: у обочины дороги сидит девушка и плачет.

«Кто ты?» – спросил ее царевич; и девушка сказала: «Я дочь царя из царей Индии, и я была в пустыне, но на меня напала дремота, и я свалилась с коня, и теперь я отбилась от своих и потерялась». И, услышав слова девушки, царевич сожалел над нею и взял ее на спину своего коня, посадив ее сзади, и поехал. И когда они проезжали мимо каких-то развалин, девушка сказала: «О господин, я хочу сойти за надобностью», и царевич спустил ее около развалин. И девушка вошла туда и замешкалась, и царевич, заждавшись ее, вошел за ней следом, не зная, кто она. И вдруг видит: это – гуль¹², и она говорит своим детям: «Дети, я привела вам сегодня жирного молодца!» А дети отвечают: «О матушка, приведи его, чтобы мы наполнили им наши животы». Услышав их слова, царевич убедился, что погибнет, и испугался за себя, и у него задрожали поджилки. Он вернулся назад; и гуль вышла и увидела, что он как будто испуган и боится и дрожит, и сказала: «Чего ты боишься?» – «У меня есть враг, и я боюсь его», – отвечал царевич. «Ты говорил, что ты сын царя?» – спросила его гуль; и царевич ответил: «Да». И тогда гуль сказала: «Почему ты не дашь своему врагу сколько-нибудь денег, чтобы удовлетворить его?» – «Он не удовлетворится деньгами, а только моей жизнью, – отвечал царевич, – и я боюсь за себя. Я человек обиженный». – «Если ты, как ты говоришь, обижен, призови на помощь Аллаха, и он избавит тебя от злобы твоего врага и от того зла, которого ты боишься», – сказала гуль. И царевич поднял взор к небу и воскликнул: «О ты, кто отвечаешь попавшему в беду, когда он зовет тебя, и устраняешь зло, о Боже, помоги мне против моего врага и отвори его от меня! Поистине, ты властен в том, чего хочешь!» И когда гуль услышала его молитву, она удалилась, а царевич отправился к своему отцу и рассказал ему о поступке везиря; и царь призвал его и убил.

И если ты, о царь, доверишься этому врачу, он убьет тебя злейшим убийством. Тот, кого ты облагодетельствовал и приблизил к себе, действует тебе на погибель. Он лечил тебя от болезни снаружи чем-то, что ты взял в руку, и ты не в безопасности от того, чтобы он не убил тебя вещью, которую ты так же возьмешь в руку».

«Ты прав, о везирь, – сказал царь Юнан, – как ты говоришь, так и будет, о благорасположенный везирь! Поистине, этот врач пришел как лазутчик, ища моей смерти, и если он излечил меня чем-то, что я взял в руку, то сможет меня погубить чем-нибудь, что я понюхаю».

После этого царь Юнан сказал везирию: «О везирь, как же с ним поступить?» И везирь ответил: «Пошли за ним сейчас же, потребуй его, и если он придет, отруби ему голову. Ты спасешься от его зла и избавишься от него. Обмани же его раньше, чем он обманет тебя». – «Ты прав, о везирь!» – воскликнул царь и послал за врачом; и тот пришел радостный, не зная, что судил ему милосердный, подобно тому, как кто-то сказал:

Страшайся судьбы своей, спокоен будь,

---

¹² Гуль – фантастическое существо в образе женщины. По арабскому поверью, гули подстерегают одиноких путников и пожирают их.

Вручи дела ты тому свои, кто мир простер!

О владыка мой! Ведь случится то, что судил Аллах,
Но избавился ты от того, чего не судил Аллах.

И когда врач вошел к царю, то произнес:

«Не воздал коль я тебе за что благодарностью,
Скажи мне, кому ж стихи и прозу готовил я?»

Без просьбы всегда ты мне оказывал милости,
Отсрочек не знал ты в них, не знал извинения.

Та к как же славить мне тебя, как и следует,
И как не хвалить тебя и тайно и явно мне?

И вспомню я милости твои: из-за них теперь
Забота легка моя, хоть тяжко спине моей. —

И сказал еще в этом смысле: —

К заботам всем повернись спиной
И дела свои поручи судьбе!

Наслаждайся благом немедленным,
И забудешь ты все минувшее.

Ведь немало дней утомительных
Принесут тебе удовольствие.

И творит Аллах, что желает он.
Та к не будь же ты из ослушников. —

И еще: —

Поручи дела всеблагову ты и премудрому,
От всего земного ты отдых дай душе твоей.

И знай, не так совершится дело, как хочешь ты,
Но лишь так, как хочет судья премудрый, Аллах, всегда. —

И еще: —

Спокоен будь и весел ты и забудь печаль,
Ведь поистине изведет печаль сердце мудрого.

Рассудительность ни к чему рабам беспомощным, —
Так оставь ее, и пребудешь ты в вечной радости».

«Знаешь ли ты, зачем я призвал тебя?» – спросил царь врача Дубана. И врач ответил: «Не знает тайного никто, кроме великого Аллаха!» А царь сказал ему: «Я призвал тебя, чтобы тебя убить и извести твою душу».

И врач Дубан до крайности удивился и спросил: «О царь, за что же ты убиваешь меня и какой я совершил грех?» – «Мне говорили, – отвечал царь, – что ты лазутчик и пришел меня убить, и вот я убью тебя раньше, чем ты убьешь меня».

Потом царь крикнул палача и сказал: «Отруби голову этому обманщику и дай нам отдых от его зла!» – «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах», – сказал тогда врач и повторил царю эти слова, подобно тому, как и я говорил тебе, о ифрит, но ты не щадил меня и хотел только моей смерти.

И царь Юнан сказал врачу Дубану: «Я не в безопасности, если не убью тебя: ты меня вылечил чем-то, что я взял в руку, и я опасаясь, что ты убьешь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем другим». – «О царь, – сказал врач Дубан, – вот награда мне от тебя! За хорошее ты воздаешь скверным!» Но царь воскликнул: «Тебя непременно нужно убить, и не откладывая!» И тогда врач убедился, что царь несомненно убьет его, он заплакал а пожалел о том добре, которое он сделал недостойным его, подобно тому, как сказано:

Поистине, рассудка у Меймуны нет,
Хотя отец ее рожден разумным был.

Кто ходит по сухому иль по скользкому
Не думая, – наверно поскользнется тот.

После этого выступил вперед палач, и завязал врачу глаза, и обнажил меч, и сказал: «Позволь!» А врач плакал и говорил царю: «Оставь меня – оставит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах. – И он произнес: —

Правдив, но несчастен я – обманщики счастливы, —
И свергнут правдивостью я в дом унижения.

Уж в жизни не буду я правдивым, а коль умру —
Кляните правдивых вы на всяких языках».

Затем врач сказал: «О царь, вот награда мне от тебя! Ты воздаешь мне воздаянием крокодила». – «А каков рассказ о крокодиле?» – спросил царь, но врач сказал: «Я не могу его рассказать, когда я в таком состоянии. Заклинаю тебя Аллахом, пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И врач разразился сильным плачем, и тогда поднялся кто-то из приближенных царя и сказал: «О царь, подари мне жизнь этого врача, так как мы не видели, чтобы он сделал против тебя преступления, и видели только, как вылечил тебя от болезни, не поддававшейся врачам и лекарям».

«Разве вы не знаете, почему я убиваю этого врача? – сказал царь. – Это потому, что, если я пощажу его, я несомненно погибну. Ведь тот, кто меня вылечил от моей болезни вещью, которую я взял в руку, может убить меня чем-нибудь, что я понюхаю. Я боюсь, что он убьет меня и возьмет за меня подарок, так как он лазутчик и пришел только затем, чтобы меня убить. Его непременно нужно казнить, и после этого я буду за себя спокоен».

«Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах!» – сказал врач, но, убедившись, о ифрит, что царь несомненно его убьет, он сказал: «О царь, если уж моя казнь неизбежна, дай мне отсрочку: я схожу домой и накажу своим родным и соседям похоронить меня, и очищу свою душу, и раздарю врачебные книги. У меня есть книга, особая из особых,

которую я дам в подарок тебе, а ты храни ее в своей сокровищнице». – «А что в ней, в этой книге?» – спросил царь врача, и тот ответил: «В ней есть столько, что и не счесть, и самая малая из ее тайн – то, что, когда ты отрежешь мне голову, повернешь три листа и прочтешь три строки на той странице, которая слева, моя голова заговорит с тобой и ответит на все, о чем ты ее спросишь».

И царь изумился до крайности и затрясся от восторга и спросил: «О мудрец, когда я отрежу тебе голову, она со мной заговорит?» – «Да, о царь», – сказал мудрец. И царь воскликнул: «Это удивительное дело!»

Потом он отпустил врача под стражей, и врач пошел домой и сделал свои дела в тот же день, а на следующий день он пришел а диван, и пришли все эмиры, везири, придворные, наместники и вельможи царства, и диван стал точно цветущий сад. И вот врач пришел в диван и встал перед царем между двумя стражниками, и у него была старая книга и горшочек с порошком. И врач сел и сказал: «Принесите мне блюдо», – и ему принесли блюдо, и он высыпал на него порошок, разровнял его и сказал: «О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее, пока не отрежешь мне голову, а когда отрежешь, поставь ее на блюдо и вели ее натереть этим порошком, и когда ты это сделаешь, кровь перестанет течь. А потом раскрой книгу». И царь Юнан приказал отрубить врачу голову и взял от него книгу, и палач встал и отсек голову врача, и голова упала на середину блюда. И царь натер голову порошком, и кровь остановилась, и врач Дубан открыл глаза и сказал: «О царь, раскрой книгу!» И царь раскрыл ее и увидел, что листы слиплись, и тогда он положил палец в рот, смочил его слюной и раскрыл первый листок и второй и третий, и листки раскрывались с трудом. И царь перевернул шесть листков и посмотрел на них, но не увидел никаких письмен и сказал врачу: «О врач, в ней ничего не написано». – «Раскрой еще, сверх этого», – сказал врач; и царь перевернул еще три листка, и прошло лишь немного времени, и яд в одну минуту распространился по всему телу царя, так как книга была отравлена. И тогда царь затрясся и крикнул: «Яд разлился во мне!» А врач Дубан произнес:

«Землей они правили, и было правленье их
Жестоким, но вскоре уж их власти как не было.

Будь честны они, и к ним была бы честна судьба;
За зло воздала она злом горя и бедствия.

И ныне язык судьбы всем видом вещает их:
Одно за другое; нет упрека на времени».

И когда голова врача окончила говорить, царь тотчас же упал мертвый.

Знай же, о ифрит, что если бы царь Юнан оставил в живых врача Дубана, Аллах, наверное, пощадил бы его; но он не захотел и искал его смерти, и Аллах убил его. Если бы ты, о ифрит, пощадил меня, Аллах, наверное, пощадил бы тебя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала шестая ночь, ее сестра Дуньязада сказала: «Докончи твой рассказ».

И Шахразада ответила: «Если позволит мне царь».

«Говори», – сказал царь.

И она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: «Если бы ты пощадил меня, я бы пощадил тебя, но ты не хотел ничего, кроме моей смерти, и вот я тебя убью, заключив в этот кувшин, и брошу в море». И тут ифрит закричал и воскликнул: «Заклинаю тебя

Аллахом, о рыбак, не делай этого! Пощади меня и не взыщи с меня за мой поступок. Если я был злодеем, то будь ты благодетелем; ведь говорится в ходячих изречениях: «О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и деяния его». Не делай так, как сделала Умама с Атикой». – «А что сделала Умама с Атикой?» – спросил рыбак. И ифрит ответил: «Не время теперь рассказывать, когда я в этой тюрьме! Если ты меня отпустишь, я расскажу тебе об этом».

«Оставь эти речи, – сказал рыбак, – ты непременно будешь брошен в море, и нет никакой надежды, что тебя когда-нибудь оттуда извлекут. Я тебя просил и умолял, но ты хотел только моей смерти, без вины, заслуживающей этого, хотя я тебе не сделал зла, – я оказал тебе только благодеяние, освободив из тюрьмы; и когда ты со мной все это сделал, я узнал, что ты поступаешь скверно. И знай, что я брошу тебя в море; а чтобы всякий, кто тебя выловит, кинул обратно, я расскажу, что у меня с тобой было, и предостерегу его. И ты останешься в этом море до конца времени, пока не погибнешь».

«Отпусти меня, – сказал ифрит. – Теперь время быть великодушным, и я обещаю тебе, что никогда ни в чем тебя не ослушаюсь и помогу тебе чем-то, что тебя обогатит».

И тогда рыбак взял с ифрита обещание, что тот, если он его отпустит, не станет ему вредить, а сделает ему добро, и, заручившись его обещанием и заставив его поклясться величайшим именем Аллаха, открыл кувшин. И дым пошел вверх, и вышел целиком, и стал настоящим ифритом. Ифрит толкнул ногой кувшин и кинул его в море. И когда рыбак увидел, что ифрит бросил кувшин в море, он убедился в своей гибели и наделал себе в платье и воскликнул: «Это нехороший признак!» Потом он укрепил свое сердце и сказал: «О ифрит, Аллах великий сказал: «Исполняйте обещание». Поистине, об обещании будет спрошено, а ты обещал мне и поклялся, что не обманешь меня, не то обманет тебя Аллах, ибо он преревнив и дает отсрочку, но не прощает. Я ведь говорил тебе то же, что врач Дубан говорил царю Юнану: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И ифрит засмеялся и пошел впереди рыбака и сказал ему: «О рыбак, следуй за мной!»

И рыбак пошел позади ифрита, не веря в спасение. И ифрит шел, пока они не вышли за город, и он поднялся на гору и спустился в обширную равнину, и вдруг они оказались у пруда с водой. И ифрит спустился в середину пруда и сказал рыбаку: «Следуй за мною!» И рыбак последовал за ним на середину пруда, а ифрит остановился и приказал рыбаку закинуть сеть и ловить рыбу. И рыбак посмотрел в пруд и увидел там рыб разного цвета: белых, красных, голубых и желтых – и удивился этому. Потом он вынул сеть и забросил ее, и вытянул, и нашел в ней четырех рыб, и все были разноцветные. И, увидав их, рыбак обрадовался, а ифрит сказал ему: «Пойди с ними к султану и поднеси их ему, и он даст тебе довольно, чтобы тебя обогатить. И, ради Аллаха, прими мое извинение: поистине, я не знаю сейчас ни в чем пути, так как я в этом море уже тысячу восемьсот лет и увидел поверхность земли только сию минуту. И не лови здесь рыбы больше раза в день».

И ифрит простился с рыбаком и сказал: «Не дай мне Аллах тосковать по тебе», – и потом ударил ногой об землю, и земля расступилась и поглотила его; а рыбак пошел в город, изумляясь тому, что случилось у него с ифритом и как все это было.

И он взял рыбу и, придя в свое жилище, принес лоханку, наполнил ее водой и положил туда рыбу, и рыба забила в воде. А потом рыбак поставил лоханку на голову и направился с нею в царский дворец, как велел ему ифрит. И когда он пришел к царю и предложил ему рыбу, царь до крайности удивился рыбе, которую ему предложил рыбак, так как в жизни не видал рыбы, подобной этой по образу и виду.

«Отдайте эту рыбу девушке-стряпухе», – сказал он (а эту девушку подарил ему три дня назад царь румов, и он еще не испытал ее в стряпне); и везирь приказал ей изжарить рыбу и сказал: «О девушка, царь говорит тебе: «О слезинка, мы испытываем тебя, лишь будучи в затруднении! Покажи же нам сегодня твое искусство и умение стряпать: к султану кто-то пришел с подарком». Потом везирь вернулся к султану, дав наставление девушке, и царь велел

ему выдать рыбаку четыреста динаров. И везирь выдал их рыбаку, и тот спрятал деньги в полу халата и бегом побежал домой, падая, вставая и спотыкаясь, и он думал, что это сон. И затем он купил для своего семейства все нужное и пошел к жене, веселый и радостный.

Вот что случилось с рыбаком. А с девушкой произошло следующее. Она взяла рыбу, очистила ее и подвесила сковородку над огнем, а потом бросила на нее рыбу. И лишь только рыба подрумянилась с одной стороны, девушка перевернула ее на другую сторону, – и вдруг стена кухни раздвинулась, и из нее вышла молодая женщина с прекрасным станом, овальными щеками, совершенными чертами и насурьмленными глазами, и одета она была в шелковый платок с голубой бахромой, в ушах ее были кольца, а на запястьях – пара перехватов, и на пальцах – перстни с драгоценными камнями, и в руке она держала бамбуковую трость. И женщина ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, соблюдаете ли вы договор?» И, увидев это, стряпуха обмерла, а женщина повторила эти слова во второй и третий раз, – и рыбы подняли головы со сковородки и сказали ясным языком: «Да, да, – и затем произнесли: —

Вернешься – вернемся мы; будь верной – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же...»

И тогда женщина перевернула сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

И после этого стряпуха очнулась от обморока и увидела, что четыре рыбы сгорели и стали как черный уголь, и воскликнула: «С первого же набега сломалось его копьё»¹³, – и снова упала на землю без памяти.

И когда она была в таком состоянии, вдруг вошел везирь, и этот старик увидел, что девушка, точно старуха, выжившая из ума, не отличает четверга от субботы. Он толкнул ее ногой, и она очнулась и заплакала и сообщила везирию о происшедшем и о том, что случилось; и везирь удивился и сказал: «Это поистине удивительное дело!» После этого он послал за рыбаком, и, когда его привели, везирь закричал на него и сказал: «О рыбак, принеси нам четыре рыбы, как те, что ты принес!» И рыбак вышел к пруду, закинул сеть и вытянул ее, и вдруг видит: в ней четыре рыбы, подобные первым. И он взял их и принес везирию, а везирь пошел с ними к девушке и сказал: «Поднимайся и изжарь их при мне, чтобы я сам увидел, как это происходит». И девушка встала, приготовила рыбу и, подвесив сковородку, бросила туда рыбу, но едва рыба оказалась на сковородке, как стена вдруг раздвинулась, и появилась та же женщина в своем прежнем виде, и в руках у нее была трость. И она ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И вдруг все рыбы подняли головы и сказали вышеупомянутый стих, то есть:

«Вернешься – вернемся мы; будь верной – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала седьмая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что когда рыбы заговорили, женщина перевернула тростью сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена опять сдвинулась. И тогда везирь поднялся на ноги и воскликнул: «Такое дело не следует скрывать от царя!» – и пошел к царю и рассказал ему о том, что произошло и что он видел перед собою. И царь воскликнул: «Я непременно должен это видеть своими глазами». И он послал за рыбаком и велел ему принести

---

¹³ Распространенная поговорка, означающая: «При первой же попытке он потерпел неудачу».

четыре рыбы, такие же, как первые, и приставил к нему трех стражников; и рыбак спустился к пруду и тотчас же принес ему рыб, и царь велел дать ему четыреста динаров.

Затем он обратился к везирию и сказал ему: «Вставай и изжарь рыб ты сам, здесь, передо мной!» И везирий отвечал: «Слушаю и повинуюсь». Он принес сковородку и приготовил рыб и, подвесив сковородку над огнем, бросил на нее рыб, – и вдруг стена раздвинулась, и из нее вышел черный раб, подобный горе или человеку из племени Ад¹⁴, и в руках у него была ветка зеленого дерева. И раб сказал устрашающим голосом: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И рыбы подняли головы со сковородки и ответили: «Да, да, мы его соблюдаем.

Вернешься – вернемся мы; будь верен – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же».

И раб приблизился к сковородке и перевернул ее веткою, что была у него в руке, и потом он вошел туда же, откуда вышел. И везирий с царем посмотрели на рыб и увидели, что они стали как уголь; и царь, оторопев, воскликнул: «О таком обстоятельстве невозможно молчать, и за этими рыбами, наверное, скрывается какое-то дело!» И он велел привести рыбака и, когда тот явился, спросил его: «Горе тебе, откуда эти рыбы?» И рыбак ответил: «Из пруда между четырех гор, под той горой, что за твоим городом». И тогда царь опять обратился к рыбаку и спросил: «В скольких днях пути?» – «Пути на полчаса, о владыка султан», – отвечал рыбак; и царь удивился и велел свите выступить и воинам тотчас же садиться на коней, и рыбак шел впереди всех, проклиная ифрита. И все поднялись на гору и спустились в такую обширную равнину, которой не видели за всю свою жизнь, и султан и войска изумлялись. Они увидели равнину и посреди нее пруд между четырех гор и в пруде рыбу четырех цветов: красную, белую, желтую и голубую. И царь остановился, изумленный, и спросил свою свиту и присутствующих: «Видел ли кто-нибудь из вас этот пруд?» И они ответили: «Никогда, о царь времени, за всю нашу жизнь». И спросил далеко зашедших в годах, и те отвечали: «Мы в жизни не видели пруда на этом месте». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не войду в мой город и не сяду на престол моего царства, пока не узнаю об этом пруде и о рыбах!»

И он приказал людям расположиться вокруг этих гор и потом позвал везирия (а это был везирий опытный и умный, проницательный и сведущий в делах) и, когда тот явился, сказал ему: «Мне хочется что-то сделать, и я расскажу тебе об этом. Я задумал уйти сегодня ночью один и исследовать, что это за пруд со странными рыбами, а ты садись у входа в мою палатку и говори эмирам, везириям, придворным и наместникам и всем, кто будет обо мне спрашивать: «Султан нездоров и велел мне никому не давать разрешения входить к нему». И не говори никому о моем намерении». И везирий не мог прекословить царю.

Потом царь переменял одежду, опоясался мечом и взобрался на одну из гор и шел весь остаток ночи до утра и весь день, и зной одолел его, так как он прошел ночь и день. После этого он шел и вторую ночь до утра, и ему показалось издали что-то черное, и царь обрадовался и воскликнул: «Может быть, я найду кого-нибудь, кто мне расскажет об этом пруде и о рыбах!»

И он приблизился и увидел дворец, выстроенный из черного камня и выложенный железом, и один створ ворот был открыт, а другой заперт. И царь обрадовался и остановился у ворот и постучал легким стуком, но не услышал ответа, и тогда он постучал второй раз и третий, но ответа не услышал, и после этого он ударил в ворота страшным ударом, но никто не ответил ему. «Дворец, наверное, пуст», – сказал тогда царь и, собравшись с духом, прошел через ворота дворца до портика и крикнул: «О жители дворца, тут чужестранец и путешественник, нет ли у

---

¹⁴ Племя Ад, согласно легенде, отразившейся в Коране, было уничтожено Аллахом за неповиновение. Адиты, по преданию, отличались необычайно высоким ростом.

вас чего съестного?» Он повторил эти слова второй раз и третий, но не услышал ответа; и тогда он, укрепив свое сердце мужеством, прошел из портика в середину дворца, но не нашел во дворце никого, хотя дворец был украшен шелком и звездчатыми коврами и занавесками, которые были спущены. А посреди дворца был двор с четырьмя возвышениями, одно напротив другого, и каменной скамьей и фонтаном с водоемом, над которым были четыре льва из червонного золота, извергавшие из пасти воду, подобную жемчугам и яхонтам, а вокруг дворца летали птицы, и над дворцом была золотая сетка, мешавшая им подниматься выше. И царь не увидел никого и изумился и опечалился, так как никого не нашел, у кого бы спросить об этой равнине, о пруде и о рыбах, о горах и о дворце. Затем он сел у дверей, размышляя, и вдруг услышал стон, исходящий из печального сердца, и голос, произносящий нараспев:

«Таил я то, что пришлось снести мне, но явно все,
И сменил теперь я усладу сна на бессонницу.

Судьба моя, ты не милуешь, не щадишь меня.
И душа моя меж мучением и опасностью.

Пожалейте же благородных вы, что унизились
На путях любви, и зажиточных, что бедны теперь.

Ведь когда-то мы к ветру нежному ревновали вас.
Но падет когда приговор судьбы, тогда слепнет взор.

Как же быть стрелку, если вдруг враги ему встретятся?
И стрелу метнуть в них захочет он, но изменит лук?

Коль над юношей соберется вдруг много горестей,
Убежит куда от судьбы своей и от рока он?»

И когда султан услышал этот стон, он поднялся и пошел на голос и оказался перед занавесом, спущенным над дверью покоя. И он поднял занавес и увидел юношу, сидевшего на ложе, которое возвышалось от земли на локоть, и это был юноша прекрасный, с изящным станом и красноречивым языком, сияющим лбом и румяными щеками, и на престоле его щеки была родинка, словно кружок амбры, как сказал поэт:

О, как строен он! Волоса его и чело его
В темноту и свет весь род людской повергают.

Не кори его ты за родинку на щеке его:
Анемоны все точка черная отмечает.

И царь обрадовался, увидя юношу, и приветствовал его; а юноша сидел, одетый в шелковый кафтан с вышивками из египетского золота, и на голове его был венец, окаймленный драгоценностями, но все же вид его был печален. И когда царь приветствовал его, юноша ответил ему наилучшим приветствием и сказал: «О господин мой, ты выше того, чтобы пред тобой вставать, а мне да будет прощение». – «Я уже простил тебя, о юноша, – ответил царь. – Я твой гость и пришел к тебе с важным делом: я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом пруде, о рыбах, и о дворце, и о причине твоего одиночества в нем и плача». И когда юноша услышал эти слова, слезы побежали по его щекам, и он горько заплакал, так что залил себе грудь, а потом произнес:

«Скажите тому, кого судьба поражает:
«Сколь многих повергнул рок и скольких он поднял!

Коль спишь ты, не знает сна глаз зоркий Аллаха,
Чье время всегда светло, чья жизнь длится вечно!..»

Потом он глубоко вздохнул и произнес:

«Ты дела свои вручи владыке всех;
Брось заботы и о думах позабудь.

Не пытай о том, что было, – почему?
Все бывает, как судьба и рок велят».

И царь удивился и спросил: «Что заставляет тебя плакать, о юноша?» И юноша отвечал: «Как же мне не плакать, когда я в таком состоянии?» – и, протянув руку к подолу, он поднял его; и вдруг оказывается: нижняя половина его каменная, а от пупка до волос на голове он – человек. И, увидев юношу в таком состоянии, царь опечалился великой печалью, и огорчился, и завздыхал и воскликнул: «О юноша, ты прибавил заботы к моей заботе! Я хотел узнать о рыбах и об их происхождении, а теперь приходится спрашивать и о них, и о тебе. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поспеши, о юноша, рассказать эту историю!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.